

Олег Лекманов

Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека, Ташкент
lekmanov@mail.ru

Андрей Устинов

Центр открытых исследований, Сан Франциско
abooks@gmail.com

Oleg Lekmanov

National University of Uzbekistan, Tashkent
lekmanov@mail.ru

Andrei Ustinov

Center for Open Studies, San Francisco
abooks@gmail.com

ПЕРСОНАЖ ВРЕМЕНИ И МЕСТА: ОБ ОДНОМ ЗНАКОМОМ ХАРМСА

A PERSON FOR TIME AND PLACE: ABOUT ONE OF KHARMS' ACQUAINTANCES

В статье рассказывается о Льве Лисенко, знакомом Даниила Хармса и Михаила Кузмина, примечательном персонаже ленинградской художественной жизни второй половины 1920-х — рубежа 1930-х годов.

Ключевые слова: Лев Лисенко, Даниил Хармс, Михаил Кузмин, Осип Мандельштам, художественная среда, Ленинград 1920-х — 1930-х годов.

The article tells the story of Lev Lisenko, an acquaintance of Daniil Kharms and Mikhail Kuzmin, a remarkable character in the Leningrad artistic life of the second half of the 1920s — early 1930s.

Keywords: Lev Lisenko, Daniil Kharms, Mikhail Kuzmin, Osip Mandelstam, artistic environment, Leningrad in 1920s and 1930s.

В конце 1928 года — в период прекращения активной деятельности Объединения Реального Искусства — Даниил Хармс отмечает в одной из своих записных книжек: «Обэриу и Л. К. Лисенко. Четверг 27 дек<абря> в 2 ч<аса> дня у меня» (Хармс 2002-1: 279). А на обороте страницы запи-

сывает адрес этого человека: «Лев Констант<инович> Лисенко. Загородный 27, ком. 36» (Хармс 2002-1: 280).

Еще год спустя, он внес Лисенко в список так называемых «естественных мыслителей», то есть, по мнению Хармса, доморощенных философов, неожиданных собеседников и, вообще — встреченных им эксцентричных людей:

Мудрецы:

- 1) Александр Алексеевич Башилов.
- 2) Алексей Петрович Эйсер.
- 3) Лев Константинович Лисенко.
- 4) Константин Димитриевич Травкунов.
- [5) Евгений Эдуардович Сно.
- 6) Алексей Александрович Пастухов.]
- 5) Александр<р> Васильевич Туфанов.
- 6) Константин Константинович Олимпов.
- 7) Пётр Николаевич Матвеев (Философ НонЭсма).
- 8) Рыболов (из Общины). (Хармс 2002-1: 319)

Список возглавляет Александр Алексеевич Башилов, воспоминания о котором современников Хармса дают представление о зачисленных им в этот реестр. «Он отыскал и познакомил меня, С. Я. <Маршака> и других своих друзей с Башиловым, — вспоминал Л. Пантелеев, — молодым горбуном, портным, жившим где-то около Пяти углов. Что он делал этот Башилов, чем поражал, уж не помню. Сочинял афоризмы, придумывал какие-то шизофренические теории» (Дневниковые записи 1991: 563). «Хармс познакомил меня со всеми своими монстрами, которых называл “естественными мыслителями”, — вспоминал Николай Харджиев. — С Башиловым я часто встречался, когда жил у Хармса. Этот маленький человек неопределенного возраста искусно расписывал деревянные кубики, привлекавшие внимание ритмичным движением отвлеченных цветоформ. Кубики Башилова нравились всем, даже Малевичу»¹.

«Очень рад что Вы повидали Башилова, — писал Хармс Пантелееву 18 сентября 1932 года из курской ссылки. — Афоризмы его мне понравились. Я послал ему письмо, но ответа не получил» (Устинов 1990: 133). Один из афоризмов Башилова сохранился в памяти Игоря Бахтерева: «Были бы мы как рощи, жили бы мы проще» (Дневниковые записи 1991: 563). «Башилов написал картину: “В ожидании ненастной погоды”, — написал Хармс 9 сентября 1934 года. — Какая свобода мысли в этом названии и вместе с тем, какое ничтожное и простое отклонение от обычного» (Хармс 2002-2: 100).

Лисенко вошел в этот список, фиксирующий тех, кто обладает талантом к «отклонению от обычного», под номером три. Может быть, поэтому не без некоторого удивления Хармс особо отмечает в 1930 году какую-то его радиопостановку: «16 января. От 8–10. Постановка Лисенко. По Радио»

¹ Н. Харджиев. «Кресло у моря» (Stedelijk Museum. Amsterdam).

(Хармс 2002-1: 347). Более в записях Хармса упоминания о Лисенко не встречаются. Зато имя этого примечательного персонажа ленинградской художественной жизни второй половины 1920-х — рубежа 1930-х годов обнаруживается в дневниках Михаила Кузмина.

Отдельного внимания заслуживает его запись 1 сентября 1924 года, в конце которой он отметил: «Под вечер Лисенко с издательством. Заикался, заикался, наконец выразил, что хотел. Просили музыки он и Мандельштам для Жюль Ромэна» (*Летопись* 2019: 253). Разъяснение темных мест этого фрагмента позволит реконструировать едва ли не единственный эпизод, увы, в итоге так и не состоявшегося творческого сотрудничества Осипа Мандельштама и Михаила Кузмина.

Мандельштам в этом тандеме должен был сыграть роль переводчика. В дневниковой записи Кузмина речь, несомненно, идет о пьесе французского прозаика и драматурга Жюль Ромэна *Кромдэйр-старый*, которую Мандельштам перевел для МХАТа в 1923 году. К 16 мая 1924 года относится его письмо в Московский Художественный театр, предоставляющее «МХАТ право исключительной постановки в Москве пьесы Жюль Ромэна “Старый Кромдэйр”»². Ставить спектакль должен был Владимир Немирович-Данченко, на роль художника-сценографа выбрали Роберта Фалька, однако в итоге постановка не состоялась. Мандельштаму удалось выпустить свой перевод отдельным изданием в мае 1925 года (*Летопись* 2019: 267).

Обратим особое внимание на то обстоятельство, что в письме во МХАТ Мандельштам оговаривал исключительное право этого театра на постановку *Старого Кромдэйра* именно в Москве. Можно предположить, что Мандельштам и Лисенко пытались заказать Кузмину музыку для намечавшейся, но тоже не осуществившейся постановки пьесы Ромэна не в московском, а в одном из ленинградских театров. Таковую гипотезу позволяет выдвинуть одна из профессий Лисенко — театральный режиссер. По-видимому, как раз в этой функции он и должен был участвовать в проекте и потому взял на себя предварительные переговоры с Кузминым.

Попытаемся некоторыми штрихами наметить биографию Лисенко. В докладной записке тогдашнего заместителя начальника ОГПУ Г. Ягоды И. Сталину от 15 сентября 1933 года Лисенко назван сыном князя, «исключенным за разврат из кандидатов в члены ВКП (б)»³. В 1920 году он закончил режиссерские Курсы мастерства сценических постановок (КУРМАС-ЦЕП). Опубликована его фотография в кругу других слушателей и преподавателей этих курсов (*Круг Петрова-Водкина* 2016: 265), а также подписанное им коллективное приветствие слушателей КУРМАСЦЕПа Всеволоду Мейерхольду, датированное маем 1920 года (Мейерхольд 2001: 234).

² Письмо было впервые опубликовано в монографии (Соловьева 2007: 286–287). Здесь же рассказано о неудачной сценической судьбе пьесы Ромэна во МХАТе.

³ См.: Рудский Л. «Голубой, голубой, не хочу дружить с тобой» (<http://worldrusnews.ru/?p=22321>).

Ежедневная газета *Жизнь Искусства* сообщала в «Хронике» 30 марта 1920 года: «В ближайшее время начинаются экзаменационные испытания третьего семестра “Курсов мастеров сценических постановок”. Оканчивающими курсы будут поставлены отрывки из следующих пьес: Г. Головки — “Летающий доктор”, К. Державин — сцены из первой части “Генриха IV” Шекспира, Л. Лисенко — “Действо о Теофиле”, <Л.> Мовшенсон — “Странствующий школяр в раю”, В. Пименов — сцены трех женихов из “Венецианского купца” и Н. Пятницкая — “Горный дух»» (Хроника 1920: 3)⁴. Получается, что в качестве выпускной работы в КУРМАСЦЕПе Лисенко осуществил постановку фрагмента «Действа о Теофиле» Рютбёфа (по-видимому, в переводе Александра Блока)⁵.

Профессию театрального режиссера Лисенко совмещал с ремеслом драматурга. Приведем здесь, скорее, одобрительный, но не лишенный иронии отзыв Адриана Пиотровского на одно из его драматических произведений: «Л. Лисенко написал новую пьесу “Солнце”. Автор делает здесь попытку перейти от обычных для него отвлеченных тем к современному быту и советскому строительству. “Солнце” — пьеса талантливая, но бестолковая, несколько надуманная, как и прежние пьесы Лисенко» (Пиотровский 1925: 10).

Впрочем, этот отклик Пиотровского не идет ни в какое сравнение с оценками, которые давались и творчеству Лисенко, и его личности в дневниках Кузмина. Прочитируем здесь соответствующие записи — как следует из этих упоминаний Кузмин также проводил этого персонажа времени и места по разряду, сходному с хармсовскими «естественными мыслителями», разумеется, сообщая своим оценкам столь свойственный его дневникам бытовой контекст. Упоминаемые в записях *Юр<очка>* и *О. Н.* — это, соответственно, Юрий Юркун и Ольга Гилдебрандт-Арбенина:

17 июля 1921 года.

Аккапарировал меня Лисенко, рассказывая про свой роман с матросом. Орал и заикался на весь сад, мальчишки смеялись. Он там *habitué*, по-видимому. (Кузмин 1993: 469).

⁴ См. в этом же выпуске в связи с Кузминым в обзоре «Выставка М. В. Добужинского. (“Дом Искусств”):

21 марта открылась в Доме Искусств выставка рисунков М. В. Добужинского, представляющая собой выдающийся интерес в виду того сильного тяготения к графике, которым проникнуто творчество этого художника.

Тому, кто внимательно следит за творческим путем Добужинского, известно, каким несравненным иллюстратором показал он себя за последние годы и на выставке этому находишь полное подтверждение, рассматривая иллюстрации к книге М. Кузмина «Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро» и иллюстрации к отдельным сказкам Андерсена. Эти достижения показали друзьям художника, что не в одних рамках перепевов на тему «Петербург» или стилизацией средних десятилетий XIX столетия развивается его творчество, а имеет и другие стороны, не менее глубокие и самобытные. (Б. п. 1920: 3).

⁵ На эту заметку в связи с Лисенко указал П. Дмитриев (Радлов 1994: 98). Возможно, Мандельштам познакомился с Лисенко через семью Радловых.

10 октября 1921 года.

Было несколько бесчинно, да еще явился Лисенко, заносил стихи и какую-то сногшибательную пьесу «Матрос». (Кузмин 1993: 492).

17 апреля 1922 года.

Ничего, не так хорошо, как вчера, но все-таки тепло. <...> У Папаригопуло были Радловы, Лисенко и какие-то родственники. Пасха, куличи, все честь-честью. Он провожал нас. Я в состоянии каого-то разложения. Не знаю, отчего и что воспоследует.⁶

1 августа 1922 года.

У Папаригопуло был Лисенко и Денике. Борис вышел с первым <т. е. Лисенко. — О. Л., А. У.> на какие-то эскапады.

27 марта 1923 года.

Холодно. <...> Юр. понравились картинки. Дома стал ссориться со мною из-за картинок. Я вообще сержусь на него за одну вещь, хотя пока и не говорю; он, смутно понимая это, злится, делает совсем не то, что мне нужно и засчитывает это себе в заслугу. К чаю припер невероятный народ: Лисенко, Нельдихен, Старк и Сторицын <...>. Скребли кошки, что не попаду к Анне Дм<итриевне Радловой. — О. Л., А. У.>. Не поехал в Муз<ыкальную> Ком<едию>.

18 апреля 1923 года.

Ну, вот: дождь, темнота, слякоть и меланхолия. <...> После обеда Юр. выходил к портному, я все дремал. Пришел Лисенко; когда он не дурачится, он воспитанный мальчик, только заиканье его удручает. Пил чай.

20 февраля 1924 года.

Что же было? <...> О. Н. рассуждала о любви к нескольк<им>, но Юр. накричал. Пошли. Я в Союз <писателей>, они в кинемо. <...> Встретили еще Бориса Папариг<опуло> с Лисенко, хотел зайти завтра, я шепнул ему: «Только не засиживайтесь». Я очень весело шел и болтал на заседании.

13 апреля 1924 года.

Прелестная погода. <...> Дома Юр. и О. Н. <...> Погода чудная, хотелось пройти далеко. Наши не хотели. <...> У Радловых Вова, Б. Папаригопуло и Лисенко. Пьют чай уже. Всё-таки А<нна> Дм<итриевна> надута, по-моему. Читал. Хорошо втроем, потом вчетвером с Корнилием <Корнелием Покровским. — О. Л., А. У.> беседовали.

10 июля 1924 года.

Хорошая погода. <...> Никого и ничего. <...> Жду. <...> Часы идут. Юр. волнуется. Смотрит с балкона. Ничего. Вагинов. Хохлов. Папаригопуло, Лисенко. Время идет. Поезд ушел.

⁶ Мы искренне признательны Александре Пахомовой за возможность ознакомиться с записями Кузмина из его дневников за 1922–1924 годы.

1 сентября 1924 года.

Чудесная погода. Писем нет. Все неопределенно. Понедельник. Все-таки как пройдет неделя. <...> Был Сторицын, вздор какой-то с вечером. Пил чай. Под вечер Лисенко с издательством.⁷

2 сентября 1924 года.

Очень весело и усердно переводил. Будто праздник. Не знаю, почему. И кажется, будто все приободрено. <...> Юр. читал «Вечернюю» и хохотал до слез. Введенский, потом Лисенко. Не знаю. Доверия он не особенно внушает, но в наше время и в нашей стране все возможно.

8 сентября 1924 года.

Ушел. Прошел к инвалидам. Тоже в полутемноте сидел Лева Лисенко, <...>, еще Лева <Раков. — О. Л., А. У.>, рассуждают и жрут шоколад. Не совсем так, как представлялось, и ненадежно, конечно. Ну, там видно будет.

14 сентября 1924 года.

Теплая, прелестная погода. Брился, но к Радлову не зашел. Обедали хорошо. Чай пил у нас Папаригопуло. Юр. отправился куда-то, я посидел с греком, мирно и хорошо беседея. С Лисенко, кажется, дело швах.

20 сентября 1924 года.

Голова у меня очень болела. Прилег. Вышел к инвалидным мальчишкам. Герасимова нет. Лисенко совал мне художника. Мил, но рисунки несколько отвлеченные, хотя тела и с прелестью. Брился. Пили чай одни. Голова от тепла проходила.

22 сентября 1924 года.

Писал, как на пожар. <...> Погода ничего. У нас остались котлеты. Побрел на Шпалерную. Сидит художник, чтица и Юр<ий> Ник<олаевич>. Говорили с ним об условиях. Лева Лисенко разводил какой-то шум. Проводили время абсолютно. Наконец является и Герасимов с какой-то старухой, которая писала договор. Он волнуется, растерян и хамит. Объяснялся при всем народе, тоже советское хамство, перешедшее даже в актеатры, где все, напершись на стол Берггрюна, говорят о своих делах. Но давно уж я не испытывал обиды и неловкости, как сейчас, особенно когда присутствующие стали нападать на Герасимова в мою пользу. Ну ладно. Шел домой огорченно. Досадно, что сорвалось и никому писаний моих не нужно.

В 1933 году Л. К. Лисенко был арестован по так называемому делу ленинградских гомосексуалистов. Протоколы его допросов хранятся в архиве ФСБ и иногда цитируются в работах исследователей и журналистов⁸.

⁷ См. выше.

⁸ См.: Иванов В. «Контрреволюционные организации среди гомосексуалистов Ленинграда в начале 1930-х годов и их погром». *Новейшая история России* 3 (2013): 132, 133, 139; Хорошилова О. *Русские трагедии в истории, культуре и повседневности*. Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2021: 328–329 (в этой книге Лисенко назван информатором

ЛИТЕРАТУРА

- Б. п. <Эрих Голлербах?>. «Выставка М. В. Добужинского. («Дом Искусств»)». *Жизнь Искусства* 413 (30 марта 1920): 3.
- «Дневниковые записи Даниила Хармса». Публ. А. Устинова и А. Кобринского. *Минувшее. Исторический альманах*. Вып. 11. Paris: Atheneum, 1991: 417–583.
- Круг Петрова-Водкина*. (Альманах Русского музея. Вып. 466). Санкт-Петербург: Palace Edition — Государственный Русский Музей, 2016.
- Кузмин Михаил. «Дневник 1921 года». Публ. Н. Богомолова и С. Шумихина. *Минувшее. Исторический альманах*. Вып. 13. Москва–Санкт-Петербург: Феникс, 1993: 457–524.
- Летопись жизни и творчества О. Э. Мандельштама*. Изд. 3-е, испр. и доп. Сост. А. Мец. Санкт-Петербург: Интернет-издание, 2019.
- Мейерхольд Всеволод. *Лекции: 1918–1919*. Москва: ОГИ, 2001.
- Пиотровский Адр<иан>. «О новых пьесах». *Жизнь искусства* 48 (1 декабря 1925): 10.
- Радлов Сергей. «Воспоминания о театре Народной комедии». Публ. П. В. Дмитриева. *Минувшее. Исторический альманах*. Вып. 16. Москва — Санкт-Петербург: Феникс, 1994: 80–101.
- Соловьева Инна. *Художественный театр. Жизнь и приключения идеи*. Москва: Издательство «Московский художественный театр», 2007.
- Устинов Андрей. «Дело Детского сектора Госиздата 1932 г. Предварительная справка». *Михаил Кузмин и русская культура XX века*. Сост. и ред. Г. А. Морева. Ленинград: Совет по истории мировой культуры АН СССР, 1990: 125–136.
- Хармс Даниил. *Записные книжки. Дневник*. В 2-х кн. Под ред. Ж. Ф. Жаккара и В. Н. Сажина. Санкт-Петербург: Академический проект, 2002.
- «Хроника». *Жизнь Искусства* 413 (30 марта 1920): 3.

REFERENCES

- B. p. <Erich Gollerbah?>. “Vystavka M. V. Dobuzhinskogo. (‘Dom Iskusstv’)”. *Zhizn’ Iskusstva* 413 (30 marta 1920): 3.
- “Dnevnikovye zapisi Daniila Harmsa”. Publ. A. Ustinova i A. Kobrinskogo. *Minuvshee. Istoricheskij al’manah*. Vyp. 11. Paris: Atheneum, 1991: 417–583.
- Harms Daniil. *Zapisnye knizhki. Dnevnik*. V 2-h kn. Pod red. Zh. F. Zhakkara i V. N. Sazhina. Sankt-Peterburg: Akademicheskij proekt, 2002.
- “Hronika”. *Zhizn’ Iskusstva* 413 (30 marta 1920): 3.
- Krug Petrova-Vodkina*. (Al’manah Russkogo muzeya. Vyp. 466). Sankt-Peterburg: Palace Edition — Gosudarstvennyj Russkij Muzej, 2016.
- Kuzmin Mihail. “Dnevnik 1921 goda”. Publ. N. Bogomolova i S. Shumihina. *Minuvshee. Istoricheskij al’manah*. Vyp. 13. Moskva — Sankt-Peterburg: Feniks, 1993: 457–524.
- Letopis’ zhizni i tvorchestva O. E. Mandel’shtama*. Izd. 3-e, ispr. i dop. Sost. A. Mec. Sankt-Peterburg: Internet-izdanie, 2019.
- Mejerhol’d Vsevolod. *Lekcii: 1918–1919*. Moskva: OGI, 2001.
- Piotrovskij Adr<ian>. “O novyh p’esah”. *Zhizn’ iskusstva* 48 (1 dekabrja 1925): 10.
- Radlov Sergej. “Vospominaniya o teatre Narodnoj komedii”. Publ. P. V. Dmitrieva. *Minuvshee. Istoricheskij al’manah*. Vyp. 16. Moskva–Sankt-Peterburg: Feniks, 1994: 80–101.
- Solov’eva Inna. *Hudozhestvennyj teatr. Zhizn’ i priklyucheniya idei*. Moskva: Izdatel’stvo “Moskovskij hudozhestvennyj teatr”, 2007.
- Ustinov Andrej. “Delo Detskogo sektora Gosizdata 1932 g. Predvaritel’naya spravka”. *Mihail Kuzmin i russkaya kul’tura XX veka*. Sost. i red. G.A. Moreva. Leningrad: Sovet po istorii mirovoj kul’tury AN SSSR, 1990: 125–136.

ОГПУ). См. также характеристику Лисенко, данную на следствии одним из его сексуальных партнеров (Н. Поляковым): Роддугина И. «Письма советских гомосексуалов второй половины 1920-х гг.». *Ab Imperio* №2 (2016): 232.

Олег Лекманов, Андреј Устинов

ЈУНАК ВРЕМЕНА И МЕСТА: О ЈЕДНОМ ХАРМСОВОМ ПОЗНАНИКУ

Резиме

Чланак говори о Лаву Лисенку, познанику Данила Хармса и Михаила Кузмина, изузетној појави у лењинградском уметничком животу крајем 1920-их и почетком 1930-их година.

Кључне речи: Лав Лисјенко, Данил Хармс, Михаил Кузмин, Осип Манделъштам, уметничка средина, Лењинград 1920–1930-их година.